Текст · 18 октября 2019, 07:41
Дмитрий Швец,

«Просто, чтобы было тепло на душе». Как зашло в тупик расследование убийства у платформы «Новогиреево»

Больше трех лет заняло у московских следователей производство по делу о жестоком убийстве, открытое из-за новых обстоятельств уже после того, как обвинявшийся в этом преступлении Михаил Жуков был приговорен к 12 годам в колонии строгого режима. Все это время его родные пытались добиться передачи дела в суд в надежде на оправдание. 15 октября им сообщили, что следствие прекращено.

Медведково

Несколько раз в неделю на прием к главе комитета «За гражданские права» Андрею Бабушкину приходят люди, которые надеются на помощь правозащитника. 22 сентября в офисе на первом этаже жилой многоэтажки возле метро «Медведково» на окраине Москвы за большим столом ждут несколько женщин. Посетителям говорят приходить к восьми вечера, но в семье Жуковых по опыту знают, что раньше девяти-десяти часов прием не начнется. Михаил Жуков уже шесть лет отбывает срок по обвинению в убийстве (часть 1 статьи 105 УК), а его мать Татьяна Васильевна и жена Анастасия все это время обивают пороги ведомств и пишут жалобы, не теряя надежды на освобождение молодого человека, которому в мае

2014 года Перовский районный суд Москвы назначил 12 лет колонии строгого режима.

Хотя обвинительный приговор и устоял во всех апелляционных инстанциях, после вмешательства Бабушкина Следственный комитет на протяжении трех лет вел производство по вновь открывшимся обстоятельствам — семья заключенного полагает, что, если бы дело снова дошло до суда, то Михаил был бы оправдан, а в прошлый раз его осудили потому, что следователи с самого начала «назначили» его виноватым и не стали проверять другие версии.

Совсем недавно прокуратура в третий раз вернула в Следственный комитет материалы дела, потребовав провести дополнительную проверку, и родственники снова пошли к Бабушкину — советоваться, что делать дальше.

Новогиреево

Убийство, за которое осужден Жуков, произошло 23 марта 2013 года. В этот день работавший замерщиком в фирме по установке окон Михаил встретился в подмосковном Железнодорожном со своими старыми приятелями — сотрудником ФСБ Алексеем Подобой и электромонтером Юрием Салтыковым из Королева, который приехал на поминки по бабушке. Все трое, по их собственным (или их знакомых) словам, в той или иной степени разделяли правые идеи: Жукова называли «скинхедом», Салтыкова — сторонником баркашовского «Русского национального единства»[1], Подоба участвовал в тренировках проекта «Чистота», который занят

«популяризацией архетипа "мужчина-воин"». Подоба и Салтыков друг о друге отзываются хорошо, о Жукове — нет, и это взаимно.

Все трое сходятся в одном: в тот день они выпили, зашли в подъезд погреться, а потом сели на вечернюю электричку в сторону Москвы. В какой-то момент к компании присоединился Виталий Ветчинов, наркозависимый и неоднократно судимый молодой человек. Знавшие его жители Железнодорожного вспоминают: родился в обеспеченной семье, но из-за наркотиков залез в долги и опустился.

Около 21:40 Ветчинов сошел на платформе «Новогиреево» и отправился в аптеку, чтобы купить «Тропикамид» — глазные капли, ценимые наркопотребителями и прошлым летом внесенные в список сильнодействующих и ядовитых веществ. Чуть позже в лесополосе между железной дорогой и Кетчерской улицей ему нанесли 69 ножевых ранений.

Вспоминая этот вечер, Подоба и Салтыков утверждают, что погибший вышел в «Новогиреево» вдвоем с Жуковым, а они поехали дальше — в Москву. Михаил настаивает на другой версии: приятели сошли с поезда вчетвером, потом они вдвоем с Ветчиновым зашли в аптеку, потом тот сделал себе инъекцию[2] и догнал Подобу и Салтыкова, а сам Жуков остановился по малой нужде и отстал.

> «Практически сразу у него [Ветчинова] с Салтыковым и Подобой начался конфликт, при этом причину конфликта я не понял, но Салтыков и Подоба начали вдвоем наносить удары Ветчинову, при этом в какой-то момент в руках у Салтыкова что-то

блеснуло <...> Увидев все это, я решил в конфликт не вмешиваться и пошел в сторону платформы "Новогиреево" <...> Примерно через пять-шесть минут, с той же стороны, где заходил я, поднялся Подоба. Я спросил у последнего, где Салтыков и Ветчинов, а также что за конфликт у них произошел. На это Подоба сказал, что Салтыков уехал, а по поводу конфликта — "так надо"», — рассказывал Жуков следователю.

Труп Ветчинова нашли на следующее утро, Михаила задержали 28 марта. На вопрос, почему Жуков, оказавшись очевидцем преступления, не обратился в полицию, его мать отвечает так:

«Его спрашивали, допрашивали, он вообще даже не знал, что его убили <...> — он говорит, что не знал, что его убили. И когда его задержали, конечно у него всплыло в сознании, что он видел драку эту, потасовку, и он решил, что это могли быть эти двое. Потому что разговор шел, что это [убил] какой-то кавказец, еще что-то, он не связывал [убийство] с этим [конфликтом между приятелями]».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Татьяна Васильевна отмечает, что Михаил не пытался скрыться даже после того, как силовики пришли к ней вечером 27 марта — по ее словам, сын тогда сказал, что ему уже звонили «пообщаться», то есть знал, что органы им интересуются.

Подоба и Салтыков проходили по делу свидетелями.

На момент задержания Жуков был женат, его сыну исполнилось три месяца; через год первая жена подала на развод, а уже после приговора молодой человек снова женился. «Давно любила. Но на тот момент, когда Миша женился, я училась — мне было не до отношений… А тут, спустя несколько лет, мы снова начали общаться — я сразу поехала к нему на короткое свидание. С тех пор мы постоянно общаемся», — говорит его нынешняя супруга Анастасия. Вместе со свекровью она теперь добивается освобождения мужа.

Свидетельница

Об убийстве возле платформы «Новогиреево» «Медиазона» уже подробно писала. Главная свидетельница обвинения в этом деле — Анна Лысова; раньше она употребляла героин, а теперь — только водку и пиво. В последние годы женщина сдавала комнату Ветчинову. Показания Лысовой неоднократно менялись: утром 27 марта она говорила, что об убийстве услышала от знакомого пьяницы, а вечером рассказывала, будто следила за молодыми людьми в надежде, что те поделятся с ней «Тропикамидом», и случайно стала очевидицей драки между своим квартирантом и Жуковым. После этого Михаила и задержали.

Тропик, труп, Новогиреево. Сотрудник ФСБ, наркотики, ультраправые и школа ножевого боя в деле об убийстве в лесополосе

Позже Лысова написала явку с повинной, признавшись в даче ложных показаний; по словам женщины, Жукова она оговорила под давлением полицейских из ОВД «Перово», которые задержали ее 27 марта. Судья Перовского районного суда Москвы Василий Кузнецов к этим ее показаниям отнесся критически, посчитав, что свидетельница пытается помочь Жукову избежать наказания. Версии с оговором Лысова придерживается до сих пор — она говорит, что однажды даже пыталась на улице попросить прощения у матери Михаила, но Татьяна Васильевна ее прогнала.

«Следователь [Ксения Семенова] меня допрашивала по уголовному делу, я ей сказала, что ничего не знаю. Потом она вышла, они [оперативники] зашли и начались угрозы: обещали расправиться физически, отнимут ребенка, подкинут наркотики, то есть давили на меня полностью. Потом опять зашла [Семенова], спрашивает, не вспомнила ли я каких-либо обстоятельств, я отвечала, что нет. Потом — из кабинета в кабинет; в один заведут, я подожду, то подзатыльник треснут, то к стенке прижмут, — говорила она следователю. — И постоянно одно и то же спрашивали, что я видела и что я знаю, на что я постоянно отвечала, что ничего не видела. <…> Я за трое суток, извините, четыре раза в туалет ходила, и то по времени. Я ничего не ела, воду пила из-под крана».

Оперативники, вспоминала Лысова, обращались друг к другу «братух»; когда в кабинет зашел начальник Перовского межрайонного отдела СК Владислав Храмов[3], она сперва захотела ему пожаловаться,

но, увидев, как полицейские с ним обнимаются, поняла, что помощи ждать неоткуда. Тогда женщина дала показания об убийстве; по словам свидетельницы, половину деталей своего рассказа она позаимствовала из разговоров с силовиками.

Позже те заверили, что не оказывали на нее никакого давления; следствие не нашло в их действиях признаков превышения должностных полномочий и не стало возбуждать уголовное дело об избиении Лысовой.

Экспертизы

Другая неувязка в деле Михаила Жукова касается орудия или орудий убийства — их так и не нашли — и судебно-медицинских экспертиз. Первую провел специалист Дмитрий Елин, к 2013-му имевший четыре года стажа; он пришел к выводу, что все 69 ранений Ветчинову могли нанести одним и тем же ножом. Но впоследствии, уже после приговора, другие специалисты дали заключения, согласно которым клинков было как минимум два; в числе этих экспертов — начальник отдела медицинской криминалистики III Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны Сергей Леонов и заведующий кафедрой судебной медицины Московской медицинской академии имени Сеченова Юрий Пиголкин.

Более того, и сам Елин в повторной экспертизе, назначенной в 2017 году, уточнил: судя по характеру ран, не исключено, что их нанесли все-таки разными клинками. Но все эти исследования проводились уже после приговора, а на стадии следствия адвокату Жукова Владимиру Крупко в назначении дополнительной экспертизы было отказано.

«В суде я спрашивал: это что была за кровавая карусель? Получается, Жуков одной рукой должен был бить Ветчинова ножом, другой — крутить и переворачивать, чтобы наносить удары спереди и сзади. Это ножевая центрифуга», — недоумевал защитник.

Все эти противоречия, перечисленные в жалобе правозащитника Бабушкина, стали три года назад

поводом для возбуждения производства по новым обстоятельствам.

Кабинеты, тома, следователи, этапы

В 2016 году материалы дела направили в Перовский межрайонный отдел СК, но там, говорит Татьяна Жукова, ими не особенно заинтересовались.

«Спустилась в следственный отдел, следователя Зименковой не было, мы оставили координаты мои и адвоката заместителю [начальника] отдела Губину, телефонов он своих не дал, о деле ничего не слышал <…> Через неделю, не получив никаких известий, обратились еще раз в отдел, Зименкова сказала, что ничего о деле не знает, нужно получить материалы из дела. Я сказала, что у меня скопированы три тома», — вспоминает мать осужденного.

По ее словам, Зименкова тогда отказалась допрашивать эксперта Леонова, посчитав, что он может быть материально заинтересован в даче показаний в пользу Михаила. Следствие шло вяло, но родные Михаила не сдавались: в начале 2017 году Татьяна Васильевна через заявление председателю Следственного комитета Александру Бастрыкину добилась приема у Александра Дрыманова[4], на тот момент — главы столичного управления ведомства, и в марте дело передали из межрайонного отдела СК в окружной, на уровень выше.

Новый следователь Александр Костылев очень понравился Жуковой — интеллигентный, выполнял все просьбы родных; когда он принял дело

в свое производство, экспертизу по травмам потерпевшего провел профессор Пиголкин — по заключению признанного светила[5] судебной медицины, Ветчинова убили как минимум двумя клинками. Но Костылев вскоре уволился, а в деле сменились еще три следователя. В ноябре 2017 года оно попало к Владимиру Павлову, который решил этапировать Жукова в Москву из ИК-5 в Моршанске Тамбовской области.

Родные осужденного говорят, что Павлов, узнав о результатах медицинской экспертизы, заказанной его предшественником, не давал защите с ними ознакомиться, а однажды зашел к Михаилу в СИЗО в отсутствие адвоката — «просто познакомиться».

«Об этом я узнала только во время свидания [с сыном]. Уже имея на руках результаты и не озвучивая их, он сказал: "Я пришел познакомиться, но тебе ничего не светит". Я расцениваю это как психологическое давление: мы не знали результатов экспертизы, человек находится в застенках, извините меня, по сфабрикованным делам, он, конечно, думает — что там происходит?» — говорит Татьяна Васильевна.

За те два месяца, что Жуков находился в столичном изоляторе, с ним провели психолого-психиатрическую экспертизу и допрос в присутствии адвоката Крупко. Михаил просил о проверке на полиграфе, но с оговоркой: ее должны делать специалисты Минобороны или Минюста. На следующий день следователь Павлов подал начальству рапорт, согласно которому он предлагал Жукову проверку на полиграфе с участием экспертов

СК или ФСБ, а тот отказался, чем затянул следствие. Михаила увезли обратно в Моршанск.

Жуковы опять пожаловались на следователя, тот опять распорядился этапировать Михаила из колонии, и в конце сентября его опять доставили в Москву — по словам матери, за 60 дней в СИЗО с осужденным не провели никаких следственных действий. Из-за этого родственники пожаловались на Павлова еще раз. Тогда дело передали следовательнице Дарье Газарян.

«Ровно на 61-й день ему провели полиграф, это новый следователь, которой поручили ускорить расследование. Мы ее даже не видели — молодец, провела большую работу, и я ей потом даже сказала: "Я от вас даже такого не ожидала, вы такая молоденькая"», — вспоминает Татьяна Васильевна.

За три года, что длилось производство по новым обстоятельствам, объем дела вырос в три раза, с трех до девяти томов: «Это переписка между генеральной прокуратурой, прокуратурой Москвы и всеми остальными инстанциями», — говорит мать заключенного.

Следователи за это время нашли в материалах даже больше противоречий, чем защита Жукова. Например, Подоба в своих показаниях уверял, что в день убийства не вышел в «Новогиреево», а поехал дальше, на станцию «Серп и Молот», где его знакомый Станислав Сорокин должен был вернуть ему 20 тысяч рублей — а Сорокин, которого следователь Павлов в 2018 году допросил о событиях пятилетней давности, сказал, что не помнит такой

встречи, и вообще избегал тогда Подобы, чтобы не отдавать долг.

«Человека нашли через пять лет и спросили — можете ли вы подтвердить, что это было? Он говорит — нет, не могу подтвердить», — комментирует Подоба показания Сорокина в разговоре с «Медиазоной». На вопрос, почему, по его мнению, Жуков дает против него показания, сотрудник ФСБ отвечает так: «В тот вечер были вместе определенное время — первое; второе — человек привык обманывать и врать, валить все на других, за свои действия никогда не любил отвечать, мягко скажем. Видимо, по привычке».

Кроме того, общий знакомый троих фигурантов дела Юрий Канискин, который встретил их в день убийства, показал, что у Подобы из кармана куртки выпал нож, а после тот просил обеспечить ему алиби. Об этом Канискин говорил еще на стадии следствия, но позже вдобавок к предыдущим показаниям он вспомнил, что когда-то давно Ветчинов порезал Салтыкову щеку — после этого молодой человек постоянно говорил о мести, но всерьез его слова тогда никто не воспринимал.

Сестра Ветчинова Анжела Земсковене говорила, будто узнала о гибели брата от свидетельницы Лысовой, причем та позвонила ей утром 25 марта первой, еще до следователей. Но затем биллинг показал, что Лысова созванивалась с ней на следующий день, 26 марта — уже после того, как Анжелу допросили следователи.

Разрешить часть этих противоречий мог бы своевременно проведенный анализ вещественных

доказательств по делу. Если Ветчинов перед смертью сопротивлялся, то у него под ногтями или на одежде должны были остаться частицы, содержащие биологический материал убийцы: волосы, клетки кожи, потожировые выделения, кровь. При этом следов Жукова на трупе эксперты не обнаружили — как и следов Ветчинова на одежде Жукова. Салтыкова и Подобу на причастность к убийству никогда не проверяли: они так и остались в статусе свидетелей. Следы их возможного физического контакта с Ветчиновым следователи не искали, а теперь и не смогут найти — срезы ногтей и волос убитого потерялись во время следствия, а его одежда была уничтожена.

Орудие убийства также не было найдено. С течением лет в показаниях Подобы и Салтыкова появлялись новые детали: например, Подоба в 2013 году говорил, что в день убийства у него с собой был нож, а в 2019-м добавил, что нож он тогда одолжил Жукову — приятель попросил «дать погонять» и не вернул клинок. Салтыков же вспомнил, что Жуков его раньше несколько раз бил — Михаилу, по словам свидетеля, не нравился его азиатский разрез глаз.

Ход растянувшегося на три года расследования Татьяна Васильевна, припоминая фамилии фигурантов и даты, может подробно пересказать за полчаса; она корректно оперирует юридическими терминами, но о равнодушии следователей и прокуроров говорит эмоционально. Кроме правозащитников и силовиков она обращалась в СМИ. В 2018 году статью о деле ее сына опубликовали на сайте движения «За права человека»; другие медиа запутанная и перегруженная скучными

процессуальными подробностями история ее сына не заинтересовала. Наконец, жена Михаила Анастасия завела собственный телеграм-канал, в котором регулярно отчитывается обо всех новостях, связанных с делом мужа.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

На момент последнего приема у Бабушкина материалы трижды направлялись в прокуратуру; ведомство каждый раз могло представить в суд заключение о новом рассмотрении дела, прекратить производство или вернуть его следователям — и каждый раз прокуроры выбирали последний вариант. Адвокат Светлана Дубровина, которая представляет интересы Михаила вместе с Крупко, считает: делалось это потому, что силовики боятся признать ошибки.

«Сотрудники, которые расследовали и имели отношение — кто-то до сих пор работает, кто-то — на вышестоящих должностях», — говорит адвокат. Жуковы внимательно следят за карьерой людей, связанных с делом Михаила.

Игорь Ибрагимов, занимавшийся еще первым расследованием, перешел из Перовского межрайонного отдела в главное следственное управление СК по Москве; в конце 2018 года он упоминался как следователь по делу против своей коллеги Анжелы Амзиной — обладательницы

почетного знака «Лучший следователь», осужденной на 11 лет за мошенничество с квартирами.

Евгения Кречетова, которая утвердила обвинительное заключение по делу в должности заместителя прокурора Перовского района, стала заместителем прокурора Восточного округа Москвы — она же в третий раз вернула в Следственный комитет материалы нового расследования, потребовав провести еще несколько очных ставок и допросить экспертов.

«О какой тут можно говорить справедливости?» — возмущается Дубровина, отмечая, что прокурор, которая когда-то передала дело в суд, отказалась сделать это теперь, когда известно куда больше обстоятельств.

«Я совершенно случайно попала на прием к прокурору ВАО, секретарь говорит — заходите, — рассказывает адвокат. — Я открываю дверь, говорю, здравствуйте, можно? Прокурор так нехотя трубку от уха оторвал, как "че надо?". Я говорю — я адвокат Михаила Жукова, по делу. Он говорит — что за дело, в первый раз слышу. — Да вы серьезно, что ли? Вы и ваши замы подписывали мне ответы по этим обращениям, слушания по этому делу происходят периодически, как это вы не в курсе, могу зайти в кабинет? — А зачем, какой у вас вопрос? — Так я его вроде бы озвучиваю. — Не надо, мне все понятно. — А почему вы боитесь принять решение по материалам на протяжение трех лет, не наберетесь смелости направить на новое рассмотрение? — Мы думаем <...> Вообще, мы с людьми не разговариваем, как я с вами,

у нас все через заявления. — А для чего тогда прием граждан? Вот, поговорил со мной прокурор ВАО».

Разочарование

Андрей Бабушкин приезжает в офис около 22:45, кто-то из посетительниц его так и не дождался. Помощник быстро распределяет места в очереди, Жуковы — третьи, последние, им нужно больше всего времени. Прием начинается около полуночи. За заваленным документами столом Бабушкин минут тридцать читает материалы дела, а потом объясняет Татьяне Васильевне и Анастасии, что прокурор Кречетова не могла не вернуть дело в СК.

«При том объеме доказательств, которые здесь изложены, оправдание Жукова и привлечение к ответственности реальных уголовников никакой перспеективы не имеет. Если вам нужно действовать просто, чтобы было тепло на душе, моральная такая отдушина... Эту задачу следствие выполнило — можно хоть сейчас отправлять в суд. Если задача стоит другая, доказать невиновность Жукова и виновность этих людей — то только путем проведения очных ставок, путем подтверждения Жуковым, Канискиным и Лысовой того, что они говорили, лицом к лицу тем лицам, с которыми они спорят. <...> Это не дает вам стопроцентных шансов, но это шансы повышает от пяти процентов сегодняшних, ну, до сорока, я думаю, пятидесяти», — говорит он.

Правозащитник рассуждает: если возбудить дело против Подобы и Салтыкова, то они будут оправданы и смогут требовать компенсацию, а следователей

и прокуроров накажут — итого, чтобы отправить дело в суд, нужны более веские основания. Родным осужденного он советует уговаривать следователя, чтобы тот выполнил указания прокурора поскорее.

«Три года ведется новое следствие, каждый раз прокуратура находит какие-то обстоятельства, которые нужно выяснить, — возражает мать Михаила. — Не читают дело: назначали комиссионную экспертизу, когда она уже была проведена».

Бабушкин просит в другой раз принести ему данные об этих экспертизах.

— Если бы у них была заинтересованность все пустить на самотек, они бы давным-давно закрыли дело и давным-давно ничего бы не было, — говорит он.

— Кречетова, которая подписывала обвинительное заключение, она же подписывает сейчас возврат. Она же не может признать свои ошибки? — спрашивает Жукова.

— Еще раз. Она фактически уже признала свои ошибки и сейчас действует на вашей стороне, — настаивает Бабушкин.

— Никогда она не действовала на нашей стороне.

— Если бы она не действовала на вашей стороне, она бы сейчас направила материалы дела в суд, получила бы оправдательный приговор в отношении этих товарищей и сказала бы: извините, Жуков, сидите дальше. Все — шансов у вас никаких нет.

На вопрос корреспондента «Медиазоны», возможно ли оправдание Жукова без признания виновными других лиц, Бабушкин отвечает категорично — нет.

«Это могло бы быть, если бы основные доводы касались не того, что есть непроверенная версия, а того, что у Жукова есть алиби. <...> Понимаете, алиби, которое установлено достоверно. В данной ситуации мы с вами такими доказательствами не располагаем», — подводит итог разговору правозащитник.

Впрочем, со времени первого рассмотрения дела Жукова в Уголовно-процессуальный кодекс внесли поправки[6], и если дело опять направят в суд, Михаил сможет просить, чтобы в нем участвовали присяжные: председатель Мосгорсуда Ольга Егорова указывала, что в таких процессах процент оправдательных приговоров заметно выше. При этом для оправдательного вердикта вовсе не обязательно доказывание вины другого человека; пример — дело томички Дарьи Мальцевой, обвинявшейся в убийстве своего семилетнего сына; присяжные признали ее невиновной. Мальцева утверждала, что ребенка убила ее соседка Светлана Крылова, однако следователи, проверив версию матери, не нашли ей подтверждения — сейчас расследование дела приостановлено, за смерть ребенка никто не наказан.

Татьяна Васильевна заметно огорошена словами Бабушкина: выйдя из кабинета, она замечает, что «не во всем согласна» с правозащитником. Через несколько дней после этого приема, говорят Жуковы, следователь Газарян опять отправила материалы в прокуратуру Восточного административного округа.

Вечером 15 октября адвокату Дубровиной позвонили из окружной прокуратуры и сообщили, что новое производство прекращено, и в суд дело передавать не будут; почему — пока неизвестно. Андрей Бабушкин уже написал две жалобы на это решение.

Михаил Жуков отбыл больше половины назначенного ему срока.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Организация признана в России экстремистской и запрещена.
2. При этом позже эксперты не нашли на трупе Ветчинова следов уколов, а в его организме — наркотиков; Жуков, Подоба и Салтыков употребление «Тропикамида» отрицают.
3. В 2018 году его назначили руководить следственным отделом по Новому Уренгою.
4. Позже арестованного по коррупционному делу — Дрыманов обвиняется по части 5 статьи 290 УК (получение взятки в крупном размере) и части 6 статьи 290 (получении взятки в особо крупном размере).
5. Под редакцией Пиголкина выпущен вузовский учебник «Судебная медицина».
6. С 2018 года суды присяжных могут рассматривать дела об убийствах (статья 105 УК).